

Антропофаги — самые жестокие, беспощадные и свирепые представители монстров. Они не признают никаких правил управления, не подчиняются никаким известным законам. У них свой язык, и единственные из всех этих народов они — людоеды.

Геродот «История» (440 г. до н. э.)

Мон-стро-ло-ги-я (сущ.)

1. Изучение злых и опасных по отношению к человеку форм жизни, которые не признаются официальной наукой как реально существующие, особенно если являются персонажами мифов или фольклора.

2. Процесс охоты на вышеозначенных существ.

«Говорят, что Блиммии не имеют головы, а их рты и глаза расположены у них на груди».

Плиний Старший
«Естественная история» (75 г. н. э.)

«...на другом острове, на полпути, живут люди огромного роста и злобного нрава, безголовые, с глазами на спине, со ртами в форме подковы ровно посередине груди. На другом острове много людей без голов, у которых и глаза, и голова расположены на спине».

«Чудеса света» (1356)

«Гаора — река, на берегах которой живут люди, у которых голова растет прямо между плеч. Их глаза расположены на плечах, а рты — посередине груди».

Путешествия Гулливера (1598)

«К западу от Каролинских островов живет народ под названием Каннибалы, и среди них Эваипономы — люди без голов».

Вальтер Скотт «Открытие Гуаины»

«... Говорил
О сказочных пещерах и пустынях,
Ущельях с пропастями и горах,
Вершинами касающихся неба,
О канибалах — то есть дикарях,
Друг друга поедающих, о людях,
Которых плечи выше головы»*.
Шекспир «Отелло»

* Пер. Б. Пастернака.

МОНСТРОЛОГ

Пролог

Июнь, 2007

Директор Бюро регистрации, жизнеобеспечения и похорон был невысоким человеком, с румянцем на щеках и темными, глубоко посаженными глазами, а его высокий лоб обрамлял густой ореол пышных белокурых волос, редяущих ближе к затылку, — светлые вихры вздымались, словно волны над розоватым островом лысой макушки. Его рукопожатие было уверенным и сильным, хотя не слишком уверенным и не слишком сильным: он привык пожимать и артритные пальцы.

— Спасибо, что пришли, — сказал он. Он выпустил мою руку, обхватил толстыми пальцами мой локоть и повел меня вдоль пустого коридора к своему офису.

— А где все? — спросил я.

— Завтрак, — ответил он.

Его офис находился в дальнем конце помещения — захламленная комната, ужас клаустрофобика. Почти все пространство занимал рабочий стол из красного дерева со сломанной передней ножкой, которую кто-то попытался сделать устойчивее, подложив под нее книгу. На полу лежал потертый, некогда белый ковер. Стол был завален высокими покосившимися пачками бумаги, картонных папок, газет и журналов и книгами типа «Наследование земельной собственности» или «Как сказать “прощай” тем, кого любишь». Позади кожаного кресла на подставке стояла фотография в рамке. На ней была изображена пожилая женщина. Она смотрела в объектив так хмуро, словно говорила: «Как ты смеешь фотографировать меня?!» Я решил, что это жена директора.

Он опустился в кресло и спросил:

— Ну, как, продвигается книга?

— Она уже вышла, — ответил я. — Месяц назад.

РИК ЯНСИ

Я достал один экземпляр из портфеля и протянул директору. Он что-то пробормотал, пролистал несколько страниц, поджал губы, сдвинул густые брови над темными глазами.

— Что ж, рад, что и я внес свою лепту, — сказал он и протянул мне книгу обратно. Я сказал, что он может оставить ее себе. Книга на несколько минут зависла между нами, пока он судорожно искал взглядом на столе стопку, на которой эта книга имела бы шанс удержаться хотя бы ненадолго. В итоге она исчезла в ящике стола.

С директором мы познакомились год назад. В то время я исследовал вторую книгу в серии Альфреда Кроппа. Там в кульминационный момент герой оказывается в Дьявольской дыре, колоде глубиной в пятьсот футов, расположенном в северо-западной части города. Меня интересовали народные легенды и сказания об этом месте, а директор оказался так любезен, что познакомил меня с несколькими старожилами, которые родились и выросли именно там и знали рассказы об этих мифических «адовых вратах». Теперь на этом месте располагался государственный парк, — видимо, нечистый отступил, узрев такое количество туристов, палаток и путешественников.

— Спасибо, — сказал директор. — Я прочту и дам почитать остальным.

Я ждал, что еще он скажет; я прибыл сюда по его приглашению. Он неловко заерзал в кресле.

— Вы сказали по телефону, что хотите мне кое-что показать, — мягко подтолкнул я его к разговору.

— Ах, да!

Казалось, он испытал облегчение от того, что я первым затрону тему, и теперь быстро заговорил:

— Когда мы нашли это среди его имущества, вы были первым человеком, о котором я подумал. Меня словно осенило — это точно будет по вашей части.

— Что нашли? Среди чьего имущества?

— Уилла Генри. Уильяма Джеймса Генри. Он отошел в мир иной в прошлый четверг. Наш самый старый житель. Не думаю, что вы с ним встречались.

Я отрицательно помотал головой.

— Сколько ему было лет?

— Ну, мы не вполне уверены. Он был нищим — ни документов, ни живых родственников. Но он утверждал, что родился в тысяча восемьсот семьдесят шестом.

Я уставился на него, открыв рот.

— Это значит, ему был сто тридцать один год?!

— Нелепо, да, я понимаю, — сказал директор. — Мы считаем, что ему было за девяносто.

— И что вы там у него нашли, что заставило вас вспомнить обо мне?

Он открыл ящик стола и вытащил пачку из тринадцати толстых тетрадей, перетянутую коричневой бечевкой. Однотонные кожаные обложки выцвели до кремового оттенка.

— Он никогда ни с кем не разговаривал, — сказал директор, нервно теребя бечевку. — Только назвал нам свое имя и год рождения. Казалось, он очень гордился и тем, и другим. «Меня зовут Уильям Джеймс Генри, и я родился в год Господа нашего тысяча восемьсот семьдесят шестой!» — провозгласил он, помнится, так, чтобы его услышали все — и те, кому было до этого дело, и те, кому нет. Но что касается всего остального — откуда он родом, каких кровей, как он попал в дренажную штольню, где он был обнаружен, — молчание. Слабоумие в последней стадии, сказал мне врач, и, разумеется, у меня не было оснований сомневаться в этом... пока мы не нашли вот это, завернутое в полотенце, у него под кроватью.

Я взял пачку тетрадей у директора из рук.

— Дневник? — спросил я.

Он пожал плечами:

— Не смущайтесь. Откройте ту, что сверху, и прочтите первую страницу.

Я так и сделал. Почерк был необычайно аккуратным, хотя и мелким — почерк человека, учившегося в традиционной школе, где программа обучения включала в себя уроки чистописания и каллиграфии. Я прочел первую страницу, потом вторую, затем еще пять. Открыл одну наугад. Прочел ее дважды. Читая, я слышал, как тяжело дышит директор, прямо-таки пыхтит и фыркает, как лошадь после быстрого забега.

— Ну, как? — спросил он.

— Понимаю, почему вы подумали обо мне, — ответил я.

— Разумеется, вы должны вернуть их мне, когда закончите.

— Разумеется.

— Закон требует от меня хранить его имущество на случай, маловероятный, впрочем, если кто-то из родственников будет претендовать. Мы разместили объявление в газете и отправили все надлежащие запросы, но такого рода вещи случаются, боюсь, слишком

РИК ЯНСИ

часто. Человек умирает — и нет никого на свете, кто претендовал бы на его имущество.

— Грустно.

Я открыл наугад другую тетрадь.

— Я не все их читал — у меня просто нет времени, — но мне чрезвычайно любопытно будет узнать, что там. Возможно, это — ключи к его прошлому: кем он был, откуда — все такое. Может, поможете нам найти родственников. Хотя из того немногого, что я прочел, я понял, что это скорее всего не дневник, а вымысел — роман, может быть. Беллетристика.

Я согласился, что, вероятно, почти все это придумано — судя по тем страницам, что я прочел.

— Почти?! — спросил он, как мне показалось, радостно и смущенно. — Ну, я думаю, всякое на свете бывает, хотя некоторые вещи значительно более вероятны, чем другие!

Я забрал тетради домой и положил их на письменный стол, где они пролежали нетронутыми почти полгода — всё руки не доходили. Мне надо было в срочном порядке сдавать другую книгу, сроки поджимали, и я просто не в состоянии был заставить себя погрузиться с головой в то, что я считал тогда бессвязным бредом стопроцентного безумца. Звонок от директора, раздавшийся однажды зимой, вынудил меня развязать потертую бечевку на тетрадях и перечитать первые необыкновенные страницы, но дальше этого дело не сильно продвинулось. Почерк был таким мелким, а страниц так много, и исписаны они были с двух сторон, что я просто пробежал глазами первую книгу, отметив, что записи велись на протяжении месяцев, если не лет: цвет чернил, например, поменялся с черного на синий, а потом снова на черный, как будто ручка исписалась или ее потеряли.

И только после Нового года я прочел первые три книги подряд, не отрываясь, за один присест, от первой страницы до последней. Расшифровка вышеупомянутых книг здесь и прилагается, с исправлениями только лишь в правописании и в некоторых архаичных грамматических формах.

Рик Янси

*Гэйнсвилль, Флорида
Январь, 2009*

ДНЕВНИК 1

УЧЕНИК

часть первая

«Из чистого любопытства»

Это — тайны, которые я хранил. Это — доверие, которое я ни разу не обманул.

Но теперь он мертв, и мертв уже более сорока лет — тот, кто оказал мне доверие, тот, ради кого я хранил эти тайны.

Тот, кто спас меня... и тот, кто обрек меня на великие мучения.

Я не помню, что ел сегодня на завтрак, но помню со страшной отчетливостью ту весеннюю ночь 1888-го, когда он выдернул меня из сна, грубо тряся за плечо. Его волосы были всклокочены, глаза широко распахнуты. Они сияли в свете лампы, а точеные черты лица озаряло то возбужденное выражение, с которым я, к сожалению, был уже хорошо знаком.

— Вставай! Вставай, Уилл Генри, да поторапливайся! — шипел он. — У нас посетитель!

— Посетитель? — пробормотал я в ответ. — А сколько сейчас времени?

— Начало второго. Давай одевайся, встретимся у заднего входа. Пошевеливайся, Уилл Генри, поднимайся!

Он вышел из моего алькова — маленькой комнатки на чердаке, — забрав с собой лампу. Я оделся в темноте и помчался вниз по лестнице в носках, натягивая на ходу мягкую шапочку. Для моей двенадцатилетней головы она была слишком маленькой, но я ей очень дорожил, потому что это было единственное, что осталось у меня от прошлой жизни.

РИК ЯНСИ

Он зажег весь свет в коридоре на втором этаже, хотя только одна лампа горела на первом, в кухне, в глубине старого дома, где жили лишь мы вдвоем, даже без прислуги, которая могла бы следить и убирать за нами. Врач — профессия интимная, дело темное и опасное. Он не может позволить любопытным глазам и болтливым языкам вторгаться в свою частную жизнь, а с прислугой куда ты от этого денешься? Так что когда грязь и пыль в доме едва уже не лезли наружу (примерно раз в три месяца), он совал мне в руки тряпку с ведром и командовал: «Пошевеливайся, Уилл Генри, пока мы совсем не заросли грязью!»

Сейчас я шел на свет из кухни, совершенно позабыв в спешке надеть ботинки. С тех пор как я год назад поселился у Доктора, я привык к ночным посетителям. К Доктору вообще чаще приходили ночью, а не утром. Дневных посетителей я вообще как-то не припомню. И приходили к нему не жизнерадостные жители окрестностей. Дело его, как я уже сказал, было опасным и темным. Такими же, в целом, были и люди, которые к нему обращались.

Человек, который пришел сегодня ночью, стоял прямо за задней дверью — долговязый, неуклюжий и тощий. Его тень, словно призрак в лунном свете, падала на блестящий бульжник мостовой. Лицо было прикрыто широким краем соломенной шляпы, но я видел скрюченные суставы пальцев, торчащие из потрепанных рукавов ветхой одежды, и желтые лодыжки, которые выступали из потертых брюк, а на них — шишки размером с яблоко. За спиной старика переминалась с ноги на ногу и фыркала лошадь, точнее, остов лошади, и пар поднимался из ее подрагивающих ноздрей. Позади лошади, едва различимая в тумане, стояла телега с каким-то очень странным грузом, завернутым в несколько слоев мешковины.

Когда я подошел к двери, Доктор тихо разговаривал со стариком, успокаивающе положив руку тому на плечо, потому что ясно было, что старик с ума сходит от страха. Он правильно поступил, уверяя его Доктор. Теперь всю ответственность берет на себя он, Доктор. Все будет хорошо. Бедняга кивал, и его большая голова под соломенной шляпой казалась еще больше на тонкой и длинной шее.

— Это преступление. Преступление против природы! — воскликнул старик в какой-то момент. — Мне не надо было забирать это. Мне надо было зарыть все обратно и оставить на милость Божию!

— Я не теолог, Эразмус, — сказал Доктор. — Я — ученый. Но разве не сказано, что мы — орудие в руках Его? И если так, то Бог привел тебя к ней, а вместе с ней — к моему порогу.

— Так вы не донесете на меня? — спросил старик, пугливо косясь на Доктора.

— Я надежно сохраню твою тайну, так же, как и ты, надеюсь, сохранишь мою. А, вот и ты, Уилл Генри! Уилл Генри, где твои ботинки? Нет, нет, — сказал он, как только я рванул было за ними, — ты нужен мне без промедления. Приготовь лабораторию.

— Да, Доктор, — бодро ответил я и снова повернулся, чтобы бежать.

— И поставь чайник. Ночь предстоит долгая.

— Слушаюсь, сэр, — сказал я. И повернулся в третий раз.

— И найди мои сапоги, Уилл Генри.

— Обязательно, сэр.

Я в сомнении замер, ожидая четвертую команду. Старик по имени Эразмус смотрел на меня во все глаза.

— Ну, чего ты еще ждешь? — прикрикнул Доктор. — Пошевеливайся, Уилл Генри!

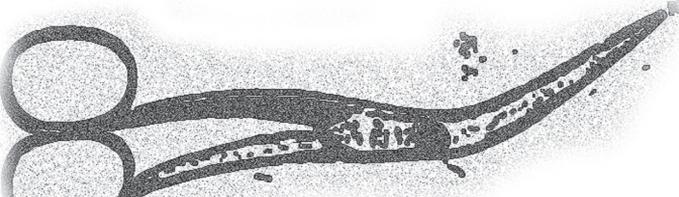
— Да, сэр, — сказал я. — Уже бегу.

Я оставил их одних, но я слышал, пробегая через кухню, как старик спрашивает: «Это ваш слуга?»

— Он — мой ассистент.

Я поставил воду на огонь, чтобы вскипятить, а сам отправился вниз, в подвал. Там я зажег лампы, разложил инструменты (я не был уверен, какие именно инструменты понадобятся, но у меня было сильное предчувствие, что то, что принес старик, — уже не живое). Из старой телеги не доносилось никаких звуков, и, судя по всему, никто не спешил как можно скорее доставить ношу в лабораторию... хотя, возможно, в моем предчувствии было больше надежды, чем подозрений. Я вынул из шкафа белый медицинский халат Доктора и полез рукой под лестницу, шаря там в поисках его резиновых сапог. Но их там не было. На секунду я замер перед лабораторным столом; меня окатил холодный пот. Я же мыл их неделю назад! И был уверен, что поставил потом под лестницу. Где же сапоги Доктора?! Из кухни сверху донеслись звуки шагов. Он уже идет сюда, а я потерял его сапоги!

Я нашел их в тот самый миг, как Доктор и Эразмус Грей начали спускаться вниз по ступенькам. Сапоги были под рабочим столом — там, где я их и оставил. Почему я положил их туда? Я быстро разместил сапоги у табуретки и замер в ожидании. Сердце мое билось в горле, дыхание было частым и прерывистым. В подвале было очень

РИК ЯНСИ

холодно, на десять градусов как минимум холоднее, чем в остальной части дома. Так было всегда, круглый год.

Их ноша, туго завернутая в мешковину, должно быть, была очень тяжелой: мышцы на их шеях выступили буграми от напряжения, и спускались они болезненно медленно. Один раз старик взмолился о передышке. Они остановились в пяти ступенях от пола, и я заметил, что Доктора раздражает такое промедление. Он горел нетерпением поскорее развернуть «новинку».

Они уложили ношу на медицинский стол. Доктор подвел старика к табурету. Тот опустил, снял соломенную шляпу и вытер лоб какой-то грязной тряпкой. Он хмурился, его немилосердно трясло. При свете я разглядел, что он был весь грязный и потертый, от покрытых комьями земли сапог, которые явно не мылись неделями, до обломанных ногтей и глубоких черных морщин на спекшемся старом лице. Я почувствовал исходящий от него густой суглинистый запах мокрой земли.

— Преступление, — пробормотал он. — Преступление!

— Да, грабить могилы — это преступление, — сказал Доктор. — Серьезное преступление, Эразмус. Штраф в тысячу долларов и пять лет каторжных работ.

Он надел рабочий халат и потянулся за сапогами. Облокотился о перила, чтобы натянуть их.

— Мы теперь в одной упряжке. Я должен доверять тебе, а ты, в свою очередь, должен доверять мне. Уилл Генри, где мой чай?

Я рванул вверх по лестнице. Внизу старик продолжал говорить:

— Я должен кормить семью. Моя жена, она очень больна; ей нужны лекарства. Я не могу найти работу, а что толку мертвым от золота и драгоценностей?

Они оставили заднюю дверь дома приоткрытой. Я захлопнул ее и накинул крючок, но не раньше, чем осмотрел переулок. Я ничего не увидел, кроме тумана, который сгустился еще больше, и лошади, чьи огромные глаза выделялись на тощей морде и, казалось, молили меня о помощи.

Пока я готовил чай, я слышал голоса, то громкий, то тихий. Эразмус говорил с истеричными тонкими нотами, Доктор отвечал ему ровно и спокойно, но за этим спокойствием я чувствовал скрытое нетерпение, вызванное, вне всякого сомнения, желанием как можно скорее развернуть страшный сверток, привезенный стариком.

Ноги без ботинок очень замерзли, но я изо всех сил старался этого не замечать. Я поставил на поднос сахар, сливки и две чашки — хотя

Доктор и не просил о второй, я подумал, что старику неплохо было бы успокоить расшалившиеся нервы и выпить горячего после того, что он пережил.

— ...копал, как вдруг земля подо мной сама обвалилась, — рассказывал старьй расхититель могил, как раз когда я спускался по лестнице с подносом в руках. — Как будто я докопался до пустоты, до какой-то дырки в земле. Я шмякнулся лицом прямо о крышку гроба. И то ли я ее пробил головой, то ли ее сломал... сломало это... до того, как я упал.

— Крышку сломал не ты, это точно, — сказал Доктор.

С момента моего ухода в лаборатории ничего не изменилось: Доктор все так же стоял, опершись о перила, а старик сидел, трясясь, на табурете. Я поднес ему чашку чаю, и он с благодарностью приник к ней.

— О, меня до сих пор холод пробирает до костей! — простонал он.

— Да, весна нынче холодная, — заметил Доктор.

Мне бросилось в глаза, что его томит присутствие старика. Он жаждал немедленно начать действовать.

— Я не мог просто взять и оставить это там, — объяснял старик. — Просто прикрыть обратно и бросить? Нет, нет. Во мне все же больше уважения. Во мне есть страх Божий. И страх перед Вечным Судом! Преступление, Доктор! Отвратительное, гадкое преступление! Так что как только я собрался с духом, я с помощью лошади и веревки вытащил их из ямы, завернул... и привез сюда.

— Ты правильно поступил, Эразмус.

«Есть только один человек, который знает, что с этим делать, — подумал я. — Простите меня, но вы, конечно, знаете, что говорят про вас и про невероятные вещи, происходящие в этом доме. Только глухой не слышал о Пеллиноре Уортропе и доме на Харрингтон-лейн!»

— Тогда мне просто повезло, что ты не глухой, — сухо сказал Доктор.

Он подошел к старику и положил обе руки ему на плечи:

— Даю тебе слово, что буду молчать обо всем этом, Эразмус Грей. И, надеюсь, ты тоже. Я никому не расскажу о твоей причастности к этому «преступлению», как ты его называешь, и я уверен, ты будешь держать рот на замке относительно меня. Теперь возьми вот это — тебе на нужды...

Доктор достал из кармана несколько купюр и вложил их в руку старика.